

УДК 94(47).083+929 Корженевский

«ПЕЧЕНЕГ» С ОСТОЖЕНКИ: СУДЬБА И ВРЕМЯ АДВОКАТА П. И. КОРЖЕНЕВСКОГО

Ю. В. Варфоломеев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: ybartho@mail.ru

В статье на основе воспоминаний из личного архивного фонда П. И. Корженевского предпринята попытка реконструкции биографии человека «второго плана» в истории. Автор, с использованием методологии «новой биографической истории» воссоздает, на фоне драматических событий и в панораме известных лиц истории России конца XIX – начала XX в., историко-психологический портрет «незамечательного человека замечательного времени».

Ключевые слова: Петр Корженевский, юрист, политический защитник, общественный деятель, литератор.

The «Pecheneg» from Ostozhenka: the Fate and Epoch of Counsel P. I. Korzhenyovsky

Yu. V. Varfolomeev

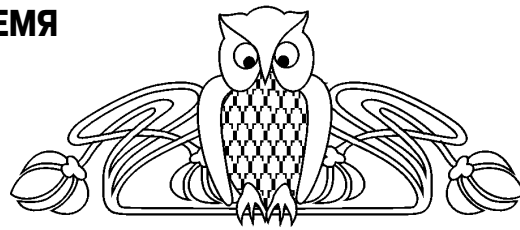
The article, based on the memoirs of P. I. Korzhenyovsky's personal archive, attempts to reconstruct the biography of a «backseat person» in history. Using the methodology of the «new biographical history», the author recreates the historical and psychological portrait of a «common person in a prominent time», amidst dramatic events and famous people of the end of the XIX– the beginning of the XX century Russia.

Key words: Peter Korzenyowski, lawyer, political advocate, public person, writer.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-172-179

«Автобиография незамечательного человека замечательного времени»¹. Именно так озаглавил свои воспоминания адвокат Петр Иванович Корженевский (1872–1968) и, очевидно, поскромничал. Ему действительно довелось жить в замечательное время, а если точнее – в трех очень непохожих и самобытных эпохах, но и его долгая жизнь тоже стала замечательной страницей в многотомной книге человеческого бытия. От императора Александра II до Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева – в таких удивительных временных координатах прошла его жизнь.

Несмотря на то что за свою долгую жизнь юрист и общественный деятель Корженевский стал свидетелем и даже участником знаменательных событий в жизни страны, был знаком с выдающимися современниками дореволюционной России, его имя практически неизвестно широкому кругу исследователей и потомков. Небольшой сколок воспоминаний о нем был опубликован лишь в 2002 г. в журнале «Адвокат»², хотя к фрагментам его мемуаров исследователи

не раз обращались в основном для иллюстрации повседневности и быта Москвы конца XIX – XX в. Объяснением подобного историографического невнимания следует, очевидно, считать своеобразный «злой рок», нависающий над личностью «второго плана» в истории, когда её незаслуженно обходят вниманием, и она, как правило, всегда остается в тени знаменитых современников своей эпохи.

Вопреки этой сложившейся на протяжении многих лет традиции, современная исследовательская парадигма «новой биографической истории» актуализирует концепт «человек второго плана», понимаемый как личность, значимую для истории, хотя и не совершившую великих деяний или открытий. В качестве обоснования такого подхода к исследованию лежат представления М. М. Бахтина и М. Хайдеггера, основанные на акцентировании изучения роли личности в истории, выраженные в наиболее общем виде тезисом: не история действует в человеке, а человек и его поступки создают ее. Здесь как нельзя лучше подходит формула биографики, выведенная в своё время ещё А. И. Герценом: «Жизнь обыкновенного человека тоже может вызвать интерес, если и не по отношению к личности, то по отношению к стране и эпохе, в которую эта личность жила»³.

Судя по всему, «обезличивающий» подход в исторических трудах в настоящее время не совместим с творческим поиском ученых. «Новая биографическая история, поставив во главу угла анализ деятельности индивида, индивидуального сознания и самосознания, личного интереса и целеполагания, помогает, в конечном счете, ответить на вопрос, каким образом и в какой степени, унаследованные культурные традиции, обычаи, представления, определяли поведение людей в специфических исторических обстоятельствах (а тем самым и весь ход событий и их последствия) и какую роль играли в этих границах индивидуальный выбор и инициатива, – отмечает Л. П. Репина. – В результате веками устоявшаяся форма историко-биографических исследований наполнилась новым содержанием, их предметное поле существенно расширилось, а «номенклатура» неизмеримо выросла за счет жизнеописаний людей, которые выступали как реальные агенты, акторы, то есть действующие лица истории, но отнюдь не на главных ролях, и не могут быть

формально причислены к выдающимся историческим деятелям»⁴.

Безусловно, человек второго плана – это своеобразная, незаурядная личность и, по справедливому замечанию А. В. Корневского, «не претендующая на движущую роль в истории, не обгоняющая время, но, тем не менее, как никто другой отражающая в делах и мыслях основные коллизии своей эпохи»⁵. Именно такой личностью, на мой взгляд, и является П. И. Корженевский.

Родился он 2(14) августа 1872 г. в Москве на Остоженке «...под холмом Зачатьевского монастыря»⁶ в семье секретаря Московского окружного суда Ивана Доминиковича Корженевского и жены его Анны Ивановны. Вспоминая о своих ровесниках и знаменательных событиях, произошедших в этот год, Корженевский, с неким мистическим оттенком, отмечал: «Гороскоп нашего времени был беспокойный. Созвездия моего рождения не обещали тихого и мирного жития. Планеты окружали меня в тревожной ситуации»⁷. Незадолго до меня родился у царя Александра II внук Николай. <...> За два года до моего рождения в Симбирске в семье инспектора народных училищ Ульянова родился сын Владимир, а в 1872 г. в немецком княжестве Гессен-Дармштадт родилась принцесса Алиса – русская царица Александра Федоровна. В 1872 г. был переведен на русский язык “Капитал” Маркса...»⁸ Однако, несмотря на такой необычайный «звездопад» лиц и событий, детство и юность Петра Ивановича прошли относительно спокойно.

Его первые воспоминания о малой родине относятся приблизительно к 1877 г.: «Помню небольшой флигель в Мертвом переулке, где мы жили в верхнем этаже, сбоку от главного барского (посредине двора) дома Александровых-Дольниковых. <...> Помню прогулки с няней по Пречистенке к Пречистенским воротам с фонтаном, где брали воду водовозы, возившие ее по домам. Тут же запомнились ряды войск, идущих от центра на Остоженку в Хамовнические казармы, и брызжущие и сияющие звуки браваурной военной музыки заставляют меня прыгать и кричать»⁹.

Мать Петра Ивановича умерла в молодости от туберкулеза, и поэтому он до 10–11-летнего возраста жил не у отца, служившего в это время судебным следователем в г. Верее Московской губернии, а у старшего брата отца – Каэтана Доминиковича. «Помню какой-то вечер, – делился своими детскими впечатлениями Корженевский, – когда было много народу, приезжал отец и подарил мне “Конька Горбушка” Ершова с картинками, и басни Крылова, первые мои книжки»¹⁰.

Из детских воспоминаний и впечатлений о Москве ему особенно запомнились прогулки с теткой в Александровский сад, а также в «город», т. е. в торговые ряды на Красной площади, но перед этим они обязательно посещали часовни Иверской и Трифона на Никольской. Помолвив-

шись и отпив «деревянного масла» из неугасимой лампы или помазав им себе лоб, они непременно приобретали церковную литературу, изданную в Троице-Сергиевой лавре¹¹. Только после этого их путь лежал по направлению к Красной площади.

Пока тетка с приятельницей подолгу сидели у проезда Боровицких ворот, Петр с сестрой взбирались на верхнюю дорожку у самой Кремлевской стены, где с замиранием сердца он испытывал немой восторг – какая это высокая гора, «а на ней стена страсть, какая высокая, а за ней башни, дворцы... все ужас как высоко, как величественно»¹². А вот более благостные и аппетитные воспоминания были связаны у него с торговыми рядами. С сестрой и теткой они долго ходили по рядам, где их без конца зазывали в магазины приказчики, хватали буквально за рукава, убеждая купить что-нибудь, наперебой перечисляя и расхваливая свои товары. «Наконец, наступал самый желанный момент, – вспоминал он, – мы спускались в подвальный этаж, в сундучный ряд, где, между прочим, продавались действительно замечательные квасы и громадные, вкусные дешевые пироги с казавшейся мне невероятно вкусной начинкой»¹³. Усталые, но с покупками и насыщенные «роскошным пиршеством», торжественно возвращались они домой на извозчике за 10 копеек. Все это было ему так интересно, так полно новых необъятных впечатлений, что потрясло юного Петра, как он отмечал, до глубины души.

Но вот на смену беззаботному детству П. И. Корженевского пришли непростые гимназические и университетские будни. Этот период своей жизни он обозначил с определенным идеологическим подтекстом, увязав его с годами правления императора Александра III: «Я начал школу в 1881 г. с убийства Александра II и вступления Александра III и кончил по смерти последнего в 1895 г., т. е. в самый отчаянный период, обративший ее в педагогический застенок»¹⁴.

К вступительному испытанию в гимназию Петр был хорошо подготовлен. Экзамен в подготовительный класс он выдержал успешно и сразу стал первым учеником¹⁵. Его ученье начиналось дома. В пять лет он уже хорошо читал, благодаря занятиям с дядей, рассказы которого были полны ярких и занимательнейших событий и уголков мира. «До сих пор брезжат в моей памяти картины морей, кораблей, стран, горных пространств и несущихся с них бурливых рек, – вспоминал спустя десятилетия Петр Иванович. – Это было так ярко, так сильно захватывало воображение, что я постоянно изображал все это на бумаге»¹⁶. И он понимал, что для того чтобы все это можно было увидеть, надо много и хорошо учиться, а значит, и незачем было откладывать обучение, которое началось тут же, с лежащей под рукой газеты «Современные известия». Буквы пятилетнему мальчику запоминались легко и просто. Очень скоро он уловил и тайну слияния букв в слова, а слов – в предложения. С этого момента Петр

стал «присяжным чтецом» этих «Современных известий», причем и он, и его постоянная слушательница – тетка, обыкновенно не выходили далеко за пределы рубрики «Случай», т. е. хроники происшествий и эпизодов повседневной жизни Москвы. Сложнее, правда, давалась ему таблица умножения, за которую, однако, он все-таки однажды «засел и одолел раз и навсегда»¹⁷.

После довольно однообразной жизни дома с весьма редкими проблесками приездов дяди окунуться в волнующую толпу бурлящей детворы гимназии было для него крайне увлекательно. Об учебе в первом классе 6-й московской гимназии, куда он был принят, никаких особых подробностей в потоке его воспоминаний не осталось, но зато запечатлелась в памяти общая картина о первых школьных предметах, товарищах и учителях. В основном это были неприятные и даже гнетущие впечатления и связаны они были даже не с предметами, которые предстояло изучить, а с персонами учителей.

Учителем русского языка и арифметики был Афеноген Афенонович Соколов, и вполне предсказуемо, с долей «научности» ученики дали ему кличку Фотоген Фотогенович. Это был, по воспоминаниям Корженевского, «крепкий, небольшого роста человек с кругловатой бородкой перца с солью, с движениями рыночного торговца»¹⁸. В этом же классе появился, по словам Петра Ивановича, и «новый враг», но уже не только в лице учителя, а и в самой науке. Это был жупел всех гимназистов – латинский язык. У Корженевского мы находим, возможно, одно из самых точных объяснений такой стойкой и распространенной нелюбви к предмету. «Ужас его был в том, что была непонятна сама цель его существования, – рассуждал он, – и никто не подумал подвести нас к нему»¹⁹. Такая ситуация с преподаванием древнего классического языка складывалась даже тогда, когда учителями были весьма достойные и способные педагоги, как, например, в данном случае – Н. И. Баталин, ставший впоследствии директором 7-й московской гимназии.

По мнению Корженевского, этот человек действительно имел все необходимые качества, чтобы стать директором, но отнюдь не хорошим учителем. «Высокий, непреклонный даже в фигуре с рыжеватой аккуратной бородой, говоривший двумя-тремя словами сухим, мертвым тоном, – предстает он на страницах воспоминаний. – Это был и остался для меня образцом “капитана Немо”. И этот человек, почти не глядевший на нас, почти не говоривший с нами, давивший нас своей фигурой, ростом, ужасом холода, жестоко и молча пригвождал нас стальным взглядом и парализовал всякую способность к какой бы то ни было деятельности»²⁰. Буквально солидарен в характеристике Баталина соученик Корженевского по гимназии И. И. Соколов²¹, который тремя годами позже него имел счастье лицезреть этого педагога. «Латынь и русский язык пре-

подавал в первом классе инспектор гимназии Николай Иванович Баталин, – писал он в своих мемуарах, – человек сухой и суровый, и как преподаватель невыносимо скучный – ни страсти, ни шуток, ни улыбки, ни даже искреннего гнева. С шипением, монотонно проводил он свой урок, держа нас в неослабевающем страхе. Когда мне, уже студентом, случилось побывать у него дома, я нашел человека очень любезного, даже несколько сентиментального, любителя маленьких собачек. Однако в классе он был грозой»²². А таких уроков латинского языка, между прочим, в классе было восемь в неделю, т. е. получается, что в целом по два дня Петр с одноклассниками сидели в этом обучающем гипнозе, а «капитан Немо» преподавал им, кстати, ещё и русский язык.

Трудно сказать, чем бы закончились для Корженевского эти первые шаги по тернистому пути в мир знаний, если бы, по его ироничному признанию, «судьба не сжалилась надо мной, и не послала мне скарлатину, которой я проболел два месяца. Какое счастье – никакая болезнь не могла быть ужаснее такой системы преподавания»²³. И этот двухмесячный «отдых» дал Петру Ивановичу возможность, правда, опять с помощью репетитора, спокойно перейти в следующий класс, а вместе с этим, переехав жить к отцу, он покинул 6-ю и поступил в 1-ю гимназию.

Это было знаменитое, старейшее в России учебное заведение. Располагалась гимназия в самом центре Москвы – напротив Храма Христа Спасителя. Перед домом на Волхонку был большой, роскошный сад, в который, однако, вход гимназистам был строго-настрого запрещен. Дом, в котором помещалась гимназия – бывшая усадьба князей Волконских – был громадный, с массой служб. В гимназии было два отделения – нормальное и параллельное, что на гимназическом жаргоне обозначалось: «параллешки» и «нормашки». Но все остальное, с сожалением констатировал Корженевский, было так же как и в 6-й гимназии, и лавина новых предметов так же неумолимо продолжала наступать гимназистов. «Во втором классе, – вспоминает он, – на нас обрушилось еще два языка – французский и немецкий. В третьем – греческий, в четвертом – славянский. Эти годы были годами какого-то безоглядного мрака и придавленности. Тяжесть пяти-шести языков в пределах только их грамматики и синтаксиса, не имеющих ничего общего с какой-либо, а не только с классической или западной литературой. Ничего яркого, свежего, а весь ужас зубрения тысяч слов, склонений, спряжений, синтаксисов, неправильных глаголов – все это взваливалось на 12–14-летних ребят без всякого подхода, объяснения, каких-либо приемов облегчения»²⁴. И все это сопровождалось строгой дисциплиной, полной отчужденностью наставников, сухими заданиями, жесткими требованиями, увенчанными пугалами любого гимназиста – единицами и двойками.

Даже спустя много лет Корженевский в своих воспоминаниях остро и живо передавал чувство утомленности и физической опустошенности от таких интенсивных и насыщенных занятий. При этом его искреннее старание «одолеть всю эту непроходимую премудрость равнялось разве отчаянию, невозможности и бессилия <...> Не знаю, как я переходил из класса в класс, не сумею изобразить затраченных на это усилий»²⁵. Под впечатлением этих настроений и переживаний спустя несколько лет на одном из первых курсов в университете он написал рассказ «Тяжело», который очень понравился товарищам-студентам, узнававшим в нем свои гимназические будни. Кроме того, Корженевский прочитал свой рассказ одному из наиболее любимых и талантливых профессоров курса – П. Н. Милюкову. Мэтр исторической науки критически воспринял творчество студента и заявил, что это записки «приговоренного к смерти», при этом отметив, что некоторые пассажи недостаточно обоснованы. Между тем и это самое удивительное – и он сразу узнал изображенного на страницах рассказа «просвещавшего» гимназистов по классическим языкам И. Ф. Збраславского²⁶.

Можно отчасти понять иронию и отчаяние Корженевского, которые пропитали его рассказ, если прислушаться к глубокому, хотя, возможно, и не бесспорному наблюдению. «Все учителя этого “классического” отдела классической гимназии были исключительно иноземцы, – утверждал он. – Они как-то и подбирались и дрессировались для определенной цели воспитания русского юношества. Все эти Шадеки, Мареки, Мясопусты, Кабраки, Гавельки, Поспешилы, Збраславские, Павликовские, Млинаручи, Гобзы и т. д. даже говорили на особые лады. У них “поле торчало кустарником”, “устрицы после потопа очутились на дереве”, она “пристально смотрела на него, отвернувшись”, и пояснялось, что это “ирония”». Корженевский приходил к выводу, что «если они не шли сознательно на обращение русской молодежи в полное отупение, то они не могли верить в свое дело. Но они, несомненно, презирали “русских свиней”, а потому даже и не думали о том, как помочь этим “свиньям” одолеть всю глупость их преподавания»²⁷. К слову сказать, не меньшей доли критики за цинизм и двуличие удостоились от Корженевского и законоучители – протоиерей Копиев и о. Орлов²⁸.

С гимназических лет Корженевский запомнил на всю жизнь два, как он их назвал, «волнующих моменты». Один из них был связан с юбилеем «Русских ведомостей» в сентябре 1887 г. Петр очень переживал, опасаясь, что отец и его приятели забудут послать поздравительную телеграмму в адрес редакции. При этом шестиклассник гимназии «настоятельно приставал» к отцу, чтобы их подпись была во множественном числе, – «я уже был преданнейшим поклонником и чтецом “Русских ведомостей”, а это, конечно,

говорит за себя и ярко рисует получаемую оттуда умственную пищу»²⁹. Другое воспоминание было связано с еще одним юбилеем – 50-летием со дня убийства А. С. Пушкина. Несмотря на то что это была печальная дата, она открывала новую страницу в судьбе творческого наследия поэта, так как в этот момент прекращались частные права его законных наследников на издание сочинений великого предка. «Помню, как я спешил купить вышедшее тогда Суворинское издание и проглотил всего Пушкина»³⁰, – с упоением вспоминал Корженевский.

Выпускной класс гимназии запомнился Петру Ивановичу еще и отчаянным неистовством, пышущих энергией и отягощенных знаниями недорослей. Это выражалось в том, что каждую большую перемену (полчаса после третьего урока) все 8 старших классов проводили в сравнительно небольшом зале в глубине коридора. В этот небольшой отрезок времени надо было успеть устроить «стенку» между «параллешками» и «нормашками». И чем меньше на это отводилось времени, тем интенсивнее было противостояние. Все летели туда, как сумасшедшие. Когда запыхавшийся надзиратель поспевал в зал, все было кончено и только по включенным фигурам можно было представить себе все напряжение и остроту произошедшего. Яркой иллюстрацией этих баталий может служить эпизод, описанный Корженевским. «Один раз я видел “страшную” сцену, – вспоминал он, – в коридоре у вазы с водой для питья стоял маленький надзиратель и предлинный ученик. И маленький надзиратель утирал разбитый в кровь нос длинного ученика. Этот ученик был граф Капнист, сын попечителя учебного округа. Но он оказался, хотя и сын попечителя, но истинный гимназист и никого не выдал»³¹, а «стенка» тем временем продолжалась ежедневно, неистово и без перерывов.

В потоке серых гимназических будней и мрачных впечатлений отложились у Корженевского и светлые воспоминания. Связаны они прежде всего с учителями, которых он обозначил как трех праведников, «спасших нашу гимназию, и она не провалилась в тартарары, чего мы ей так часто желали»³². Самый старый из них был преподаватель русского языка и словесности А. В. Тверской. «Это был небольшого роста, плотный человек с прекрасной окладистой бородой, – описывал его Корженевский. – Приверженный к церкви, пунктуальный и невозмутимый человек. Урок он начинал с чтения лекции. Он не признавал учебников и всегда читал сам весь курс. <...> Никогда он не повысил голоса, но у него сидели, затаив дыхание. И даже не от содержания лекций. У него испытывали больше, чем страх, это было что-то другое, пожалуй, удивление. Тверской – проповедовал, он сам благоговел перед своим предметом и поражал нас»³³.

Второй праведник в списке Петра Ивановича был Ф. С. Коробкин. Это был молодой подвижный

человек в пенсне с небольшой бородкой. «Бывший ученик первой гимназии и кажется любимец директора Лебедева, он после университета в одно время с нами поступил учителем в гимназию и вел нас до конца, – уточнял Корженевский. – Это был человек очень жизненный, благорасположенный к человеку и к нам, ребятам. Как он умел объяснять математику, а он не пропустил ни одной страницы без объяснения! Цифры оживали под его рукой, фигуры сами вырастали, накладывались. Узлы действительно попадали в свои точки. И все это ясно, четко, жизненно и совершенно понятно. Математика расцветала, по крайней мере, я просто утопал в ней»³⁴.

А вот третий праведник – Владимир Германович Аппельрот – был для Корженевского не только учителем, человеком в самом широком смысле этого слова, но и «величайшим чудом», как он восторженно признавался. Петр Иванович воспринимал его как немца гетевского периода: «Это был один из немногих учителей, изредка появлявшихся у нас в отбросах наших училищ, учитель, который захватывал и уносил их из этих отбросов и показывал высокие горизонты науки и света»³⁵. Это был не просто преподаватель античной литературы. Это был не поклонник, а жрец античного искусства. Он весь дышал им и пытался все что можно перелить в головы молодежи. Оценивая итоги репетиторства Аппельрота, Корженевский не мог сдержаться восхищения: «И чудо открытия мной в себе человека, человеческих, даже сверхчеловеческих сил, <...> это чудо сделал Аппельрот, потому что “человек он был”!»³⁶.

В 1890 г. П. И. Корженевский успешно окончил знаменитую 1-ю московскую гимназию и поступил на юридический факультет университета, увлекшись, по словам его друга Н. К. Муравьева, «мыслью стать ближе народу в качестве судьи»³⁷. Еще на втором курсе Корженевский, один из немногих студентов, откликнулся на предложение академика И. И. Янжула помочь в устройстве лекций профессоров в пользу голодающих.

После окончания университета в 1895 г. Петр Иванович оказался перед выбором: идти по финансовой части, в народное просвещение или в «пути сообщения, земледелия, технические». Но все это были чуждые ему специальности, признавался он. А вот юстиция. Здесь, прежде всего, знакомая ему «юридическая среда, на которой еще лежал свет великой эпохи 60-х гг.»³⁸ и к которой, конечно, принадлежал его отец.

Поступив на судебскую службу, Корженевский в течение последующих десяти лет служил сначала в Москве кандидатом на судебные должности, а впоследствии – судебным следователем в Вышнем Волочке Тверской губернии и, наконец, в Богородске Московской губернии. Провинциальная атмосфера в период его службы в Вышнем Волочке была развеяна ярким и полезным для начинающегося юриста знакомством. Недалеко от города находилась дача профессора уголовного

права, сенатора Н. С. Таганцева, и выдающийся российский правовед, желая, очевидно, скоротать время в приятных беседах с коллегой-юристом нередко приглашал к себе молодого следователя. Петр Иванович, по его признанию, был в то время приверженцем популярной тогда социологической школы права.

Многочисленные случаи из судебной практики все чаще наводили молодого юриста на мысль о несправедливости существующего порядка вещей. «Все эти случаи в моей жизни были неподготовленными, непартийными, неклассовыми и притом исключительно инстинктивными, – вспоминал Корженевский. – Чисто инстинктивно в таких случаях я шел, что называется, “налево” и если не был “партийным чиновником”, если не был пропитан программой, то всеми фибрами души реагировал в сторону революции»³⁹. И революция не заставила себя долго ждать. Перелом в судьбе судейского чиновника произошел в январе 1905 г. «Днем я был в Москве и зашел к Муравьеву, – передает впечатления тех дней Корженевский. – Его я застал в таком взволнованном состоянии, что невольно спросил, что с ним. Он ответил, что по слухам в СПб произошло что-то совершенно невероятное – была стрельба в народ. Это было непостижимо и зловеще!»⁴⁰

Все последующие дни он уже не мог работать как прежде, ощущал себя как лунатик, и в его сознании как-то мимо прошли Мукденский погром, Цусима, убийство великого князя Сергея Александровича. Все его внимание и энергия обратились к общественной деятельности. 4 февраля он принял активное участие в работе Богородского отделения Технического общества. Было прочитано несколько докладов, где говорилось о состоянии преподавания, а Корженевский выступил с докладом о «муках создания нашего отделения»⁴¹. Деятельность общества и сам Петр Иванович оказались в центре внимания полиции. 28 декабря 1905 г. он был внесен ротмистром Мартыновым в «Список лиц, подлежащих аресту в г. Богородске и уезде» под № 1: «Корженевский П. И., судебный следователь 2-го участка (выбыл 24 декабря в отпуск), самый деятельный участник социал-революционной партии в городе и уезде»⁴².

События развивались стремительно. Корженевский подал в отставку, и это соответствовало не только характеру его оппозиционной деятельности, но и образу его представлений о служении Закону. В качестве своего жизненного кредо он выбрал выражение А. Ф. Кони – «Судебная служба есть служение в настоящем глубоком смысле слова», и здесь же констатировал: «Очень нескоро после многих переживаний я, наконец, нашел (а может быть «получил») удивительное положение в этом юридическом мире – положение адвокатуры»⁴³. Но он не просто перешел в присяжные поверенные, а присоединился к организации политической защиты «Молодая адвокатура»⁴⁴, одним из лидеров которой был его друг еще с

гимназических и университетских лет Н. К. Муравьев. «Мне никак не хотелось отказаться от мысли, что я свободный человек, а не чинуша с кокардой, – передавал свои ощущения от этой метаморфозы в свое судьбе Корженевский. – И сколько переживаний мне стоило, и надо было ждать целых 10 лет, чтобы судьба и революция сделали за меня это – послали меня в такую высокую тогда сферу – политадвокатуру»⁴⁵. И уже в июне 1906 г. П. И. Корженевский, только что вступивший в синергию «Молодая адвокатура», принял участие в защите матросов на процессе по делу о ноябрьском (1905 г.) восстании Черноморского флота⁴⁶.

События, которые привели на скамью подсудимых 37 нижних чина 32-го флотского экипажа крейсера 1-го ранга «Очаков», а также студента Новороссийского университета А. В. Пятина, П. А. Моисеева и крестьянина Г. П. Ялинича, начали разворачиваться 8 ноября 1905 г. Мятеж очаковцев датируется 11–15 ноября 1905 г., обвинительный акт прокурор военно-морского суда полковник А. И. Крамаревский подписал 11 января 1906 г., судебное разбирательство началось 7 февраля 1906 г.

Процесс над севастопольскими моряками проходил во время работы Первой Государственной Думы. Депутаты активно обсуждали вопрос об амнистии и единогласно приняли законопроект об отмене смертной казни. Учитывая эти обстоятельства, лидер защиты на процессе, Н. К. Муравьев, предложил коллегам сделать необычный и смелый шаг. Вместо речи в заседании суда он посчитал возможным выступить с обращением к Первой Государственной Думе в защиту подсудимых. Эта идея была поддержана, и адвокаты, не сомневаясь в успехе, отправились в Петербург, оставив в суде только одного «дежурного» адвоката П. И. Корженевского для контроля над дальнейшим ходом процесса.

Однако политическая ситуация изменилась кардинальным и драматическим образом. 9 июня Государственная Дума была распущена. Официальное обращение Муравьева к высшему представительному органу страны, упраздненному царским указом, повисло в воздухе. Судьбу «севастопольских узников» их защитники вверили в руки представителей народа, но после 9 июня политическая судьба самих депутатов оказалась в опасности, а после «Выборгского воззвания» бывшие народные избранники сами стали клиентами «Молодой адвокатуры». В то же время в отсутствие защиты подсудимым-морякам был вынесен крайне суровый приговор: четверо были приговорены к смертной казни, 32 человека – к ссылке на каторгу, 50 – тюремному заключению и только 7 человек были оправданы. На этот приговор 31 июля 1906 г. защитниками была принесена кассационная жалоба, «разросшаяся в целую монографию, – уточнял Полянский, – охватывавшую все стадии процесса...»⁴⁷

Вместе с тем сразу после завершения первой части судебного разбирательства власти решили форсировать события и провести один большой процесс над всеми оставшимися группами обвиняемых. Правда, этому воспротивился председатель суда. Не известно, чем бы закончились эти препирательства, но в дело вмешались революционеры. Из канцелярии суда было похищено и уничтожено многотомное следственное дело. Подозрение на соучастие в этом преступлении пало и на адвокатов. «Место хранения дела было известно всем защитникам и некоторым из подсудимых гражданским лицам, которые допускались в канцелярию для обозрения дела», – докладывал в столицу своему начальнику прокурор И. А. Ронжин. Как стало известно впоследствии, в своих подозрениях он оказался прав. Спустя несколько лет, уже при советской власти, этот криминальный «подвиг» социал-демократов был с гордостью удостоверяется: «По делу второй группы партийная организация устроила похищение и уничтожение многотомного следственного производства из помещения суда»⁴⁸, – подтвердил политический защитник И. Н. Мошинский в 1927 г. В статье автор не назвал фамилии адвокатов и участников похищения документов, и только сейчас можно внести определенную ясность в раскрытие тайн этого неординарного события. Теперь понятно, что именно Корженевский был непосредственно вовлечен в эту криминальную историю. А дело обстояло следующим образом.

Заседания суда над революционными матросами происходили с большими перерывами, во время которых в Севастополе в качестве своеобразного «дежурного» адвоката оставался только новоиспеченный «младоадвокат» П. И. Корженевский. В один из таких перерывов произошел скандально-криминальный эпизод. К Петру Ивановичу обратилась жена одного из обвиняемых, заявив, что с ним хочет поговорить один человек. При этом она заговорчески и многозначительно предупредила адвоката о том, что не следует выяснять личность незнакомца, и тем более никому не рассказывать об этом таинственном randevu. При встрече незнакомец, пожелавший сохранить своё инкогнито, поинтересовался у Корженевского, где хранится уголовное дело. Петр Иванович, конечно, хорошо это знал и поведал незнакомцу о том, что дело находится в канцелярии суда. Вскоре соратники обвиняемых матросов проникли ночью в помещение суда, связали сторожа и похитили уголовное дело. В результате слушание дела было надолго отложено, так как на восстановление утраченных материалов потребовалось немало времени.

В связи с утратой материалов дела в августе 1906 г. было возобновлено предварительное следствие, которое закончилось только в октябре. На этот раз суду были преданы 260 человек, в том числе 19 гражданских лиц по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 109 Военно-

морского устава о наказаниях, ст. 110 Военного устава о наказаниях, ст. ст. 51 и 100 Уголовного Уложения. Процесс шёл с 24 октября по 13 ноября 1906 г. Судебные слушания проходили при закрытых дверях в одном из корпусов флотских казарм. На первом же заседании большая группа подсудимых во главе с И. П. Вороницыным бойкотировала суд и была удалена с процесса. «Защитники прокламируют свою солидарность и тоже покидают зал, – вспоминал Вороницын. – Заседание закрывается...»⁴⁹ На дальнейших заседаниях суда присутствовала небольшая группа подсудимых и казенных защитников. Суд приговорил троих к смертной казни, 60 – к каторжным работам на срок от 4 до 20 лет, 104 – к исправительным арестантским отделениям, 47 – к отдале в исправительные батальоны или роты⁵⁰. Так в несколько этапов закончился грандиозный судебный процесс над участниками Севастопольского восстания. Спустя годы, уже в Советской России, П. И. Корженевскому была назначена персональная пенсия, как одному из политических защитников революционных матросов.

В послужном списке присяжного поверенного Корженевского за 1906–1917 гг. целый ряд политических и общественных процессов, среди которых особое место занимали: дело о разгроме экономии Емельяновых, процесс о еврейском погроме в Стародубе, защита рабочего Морозова по обвинению в убийстве двух участников патриотической манифестации, процесс по делу участников Московского восстания 1905 г., дело Фидлеровской дружины, дело 33-х (Московской организации РСДРП), процесс по делу Крестьянского союза и мн. др. Список этот, как признает сам автор, безусловно, не полный. Корженевским были перечислены только наиболее крупные процессы, от которых остались какие-то справки или документы. Кроме непосредственных выступлений на суде, он как член кружка политических защитников принимал также участие в организации защит, в обследовании последствий еврейских погромов, исполнял обязанности секретаря по приглашению членов суда со стороны союза рабочих и пр.⁵¹

После Февральской революции он, так же как и его бывшие коллеги по «Молодой адвокатуре» – А. Ф. Керенский, А. С. Зарудный, П. Н. Переверзев, П. Н. Малянтович, Н. К. Муравьев – включился в работу Временного правительства. 7 марта 1917 г. Постановлением Временного правительства уполномоченный Главного комитета Всероссийского земского союза П. И. Корженевский был назначен на должность директора канцелярии министра путей сообщения⁵². Однако это был, пожалуй, краткий эпизод государственной административной деятельности Петра Ивановича. После большевистского переворота он отошел от активной политической работы, сосредоточившись на литературном труде.

С уходом в 1928 г. на пенсию он всецело отдался интересовавшим его всю жизнь истории и

литературе. За это время он завершил написание «Крестьянской повести», первой главой которой являлся его ранний рассказ «Ванька женился», а другие главы были составлены по материалам, собранным им при защите восставших матросов Черноморского флота 1905 г. и по архивным материалам. Позднее по журналам 1920–30-х гг. Корженевским была подготовлена «Хроника 1905 года»⁵³, которая печаталась в журнале «Каторга и ссылка». За это время им был также написан ряд воспоминаний о гимназии, университете, адвокатуре, Первой мировой войне.

Будучи на пенсии, Корженевский по-прежнему не оставлял своих общественных и литературных занятий. Большой интерес П. И. Корженевского к истории Москвы привел к тому, что он систематически посещал доклады в Историческом музее, а с 1933 г. работал в секретариате Отдела Института истории Академии наук, созданного для составления юбилейной истории г. Москвы. В это время им была написана пьеса «На Москва-реке».

Своей семьи Петр Иванович не имел и жил один. У него была лишь замужняя сестра, которая бывала у него редко, поэтому он всегда радовался приходу немногочисленных друзей и знакомых. Один из таких знакомых, Е. А. Прянишников, вспоминал: «Корженевский был маленького роста, у него были небольшие усики и слегка выпяченная нижняя губа. Из-за большой печени он в шутку называл себя “печенегом”, вспоминая его облик, ярче всего я помню именно это его шутливое определение, свидетельствующее о юморе и самоиронии. Думаю, эти нечасто встречающиеся черты характера важнее для портрета человека, чем подробное описание внешности»⁵⁴. В его памяти Петр Иванович остался хорошо образованным и разносторонне одаренным человеком. После смерти в 1968 г. П. И. Корженевский оставил богатейшее мемуарное наследство, хранящееся теперь в Отделе рукописей РГБ, а свою библиотеку он завещал ВНИИ Советского законодательства⁵⁵.

Судя по воспоминаниям, Корженевский осознавал и позиционировал себя как персону второго плана в истории, но старался в этом качестве быть полезным, стать частью культуры, ретранслятором ее идей – такова была его цель. Оставив свои рукописи, он надеялся, что кто-то из потомков в свое время найдет на запыленной полке его рассказ или исследование и бережно сохранит для последующих поколений, откроет для себя важные социокультурные ценности и интеллектуальные, духовные смыслы.

Примечания

- 1 Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – НИОР РГБ). Ф. 436. Картон 11. Ед. хр. 6. Л. 1.
- 2 Прянишников Е. А. Адвокат Петр Корженевский (1872–1968) // Адвокат. 2002. № 9. С. 85–86.

- ³ Герцен А. И. Собрание сочинений : в 30 т. М., 1956. Т. VIII. С. 405.
- ⁴ Репина Л. П. От исторической биографии к биографической истории // В тени великих : образы и судьбы : сб. науч. ст. Сер. Человек второго плана в истории / отв. ред. Л. П. Репина ; О-во интелект. истории, Южн. федерал. ун-т. СПб., 2010. С. 6–7.
- ⁵ Корневский А. В. Неукротимый ерисиарх (Штрихи к портрету Н. С. Ильина) // Человек второго плана в истории. Вып. 1 / отв. ред. Н. А. Мининков. Ростов н/Д, 2004. С. 80.
- ⁶ НИОР РГБ. Ф. 436. Картон 9. Ед. хр. 7. Л. 1.
- ⁷ В доказательство беспокойного расположения звезд в год своего рождения П. И. Корженевский приводил факт столкновения Земли с остатками ядра кометы Биэлы. Действительно, 27 ноября 1872 г. в связи с разрушением кометы Биэлы над Землей наблюдался обильный «метеорный дождь», получивший название Андромедиды (Биэлиды).
- ⁸ НИОР РГБ. Ф. 436. Картон 11. Ед. хр. 6. Л. 1об.
- ⁹ Там же. Л. 2.
- ¹⁰ Там же. Л. 3.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. Л. 7.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. Л. 18.
- ¹⁵ Там же. Л. 19.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. Л. 20.
- ¹⁹ Там же. Л. 22.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Соколов Иван Иванович (1874–1967) – педагог, физик-методист, д-р пед. наук, профессор, один из создателей отечественной методики преподавания физики.
- ²² Ключки воспоминаний. Заметки профессор физики И. И. Соколова о его детстве и юности, проведенных в Замоскворечье в конце XIX столетия [Электронный ресурс]. URL: //http://i.plastmuseum.ru/u/4c/93cbdc426d11e4b9319e5ac0679388/-/Daily-01.pdf (дата обращения: 29 ноября 2016 г.).
- ²³ НИОР РГБ. Ф. 436. Картон 11. Ед. хр. 6. Л. 22.
- ²⁴ Там же. Л. 24.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. Л. 25.
- ²⁷ Там же. Л. 28–29.
- ²⁸ Там же. Л. 29–30.
- ²⁹ НИОР РГБ. Л. 30.
- ³⁰ Издание включало в себя 10 небольшого размера томов по цене 1 рубль.
- ³¹ НИОР РГБ. Ф. 436. Картон 11. Ед. хр. 6. Л. 33.
- ³² Там же. Л. 40.
- ³³ Там же. Л. 41.
- ³⁴ Там же. Л. 42–43.
- ³⁵ Там же. Л. 44.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же. Картон 1. Ед. хр. 28. Л. 1.
- ³⁸ Там же. Картон 10. Ед. хр. 2. Л. 2.
- ³⁹ Там же. Л. 5.
- ⁴⁰ Там же. Л. 174.
- ⁴¹ Там же. Л. 175.
- ⁴² Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 17. Оп. 103. Д. 224. Л. 122.
- ⁴³ НИОР РГБ. Ф. 436. Картон 10. Ед. хр. 2. Л. 3.
- ⁴⁴ «Молодая адвокатура» – неформальное объединение, содружество (синергия) присяжных поверенных, созданное на рубеже XIX–XX вв. для организации политических защит (подробнее см.: Варфоломеев Ю. В. «Молодая адвокатура» : политическая защита в России (кон. XIX – нач. XX вв.) : учеб. пособие. Саратов, 2005. 160 с. ; Варфоломеев Ю. В. «Серебряный век» русской адвокатуры (кон. XIX – нач. XX вв.). Ч. 1. «Молодая адвокатура» : генезис и эволюция внутрисословных форм объединений политической защиты в России. Энгельс, 2013. 180 с.).
- ⁴⁵ НИОР РГБ. Ф. 436. Картон 10. Ед. хр. 2. Л. 7.
- ⁴⁶ Там же. С. 194.
- ⁴⁷ Полянский Н. Н. Правда и ложь в уголовной защите. М., 1927. С. 75.
- ⁴⁸ Мошинский (Конарский) И. Н. Политическая защита в дореволюционных судах // Девятый вал. М., 1927. С. 66.
- ⁴⁹ Вороницын И. П. Из мрака каторги. Харьков, 1922. С. 21.
- ⁵⁰ Центральный государственный архив Военно-Морского флота (ЦГА ВМФ). Ф. 407. 1906. Д. 78. Л. 102–109.
- ⁵¹ НИОР РГБ. Ф. 436. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 2–2 об.
- ⁵² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1779. Оп. 2. Д. 1. Ч. 1. Л. 15–15об.
- ⁵³ Корженевский П. И. Хроника 1905 года. М., 1935. 56 с.
- ⁵⁴ Прянишников Е. А. Указ. соч. С. 86.
- ⁵⁵ В настоящее время – Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Образец для цитирования:

Варфоломеев Ю. В. «Печенег» с Остоженки: судьба и время адвоката П. И. Корженевского // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 172–179. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-172-179.

Cite this article as:

Varfolomeev Yu. V. The «Pecheneg» from Ostozhenka: the fate and epoch of Counsel P. I. Korzhenyovsky. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 172–179 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-172-179.